

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Шишакова Л.Р.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Алимбиева Е.В., канд. филол. наук, доцент*

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация, цифровая лингвистика, кросс-культурные различия, виртуальный дискурс.

Цифровая среда XXI века кардинально трансформировала механизмы языкового взаимодействия, сформировав автономный тип дискурса, который, по определению С. Херринг, представляет собой «осуществляемое преимущественно в текстовом виде взаимодействие человека с человеком» [1]. Этот дискурс характеризуется высокой динамичностью, гибридностью и глубокой зависимостью от технологических платформ. При сопоставлении его национальных вариантов становятся очевидными фундаментальные различия, обусловленные языковой структурой и культурно-коммуникативными парадигмами.

Актуальность обусловлена необходимостью системного кросс-культурного анализа лексико-стилистических процессов в компьютерно-опосредованной коммуникации, которые, как отмечает Д. Кристал, создают «новые языковые реальности» [2].

Цель исследования – выявить и описать лексико-стилистические особенности русскоязычного и англоязычного виртуальных дискурсов на материале социальных сетей и специализированных онлайн-платформ.

Материал и методы. Материалом исследования послужило более 20 аутентичных текстов сообщений и комментариев, опубликованных в Telegram-каналах, более 30 реплаев (англ. *reply* ‘ответ’) в Twitter/X, 30 комментариев YouTube и TikTok. В ходе исследования мы использовали описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, а также компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. Интернет-дискурс выступает мощным катализатором словообразовательных процессов, однако стратегии адаптации новой лексики в двух языках принципиально различны. Англоязычная сфера демонстрирует тенденцию к стандартизации и глобализации неологизмов через механизмы акронимизации *LOL*, *IMO*, *TBT* [3], аффиксации *unfriend*, *googleable* и семантической деривации *to ghost*.

В противоположность этому, русскоязычный дискурс является полем активной гибридизации и фонетико-морфологической адаптации заимствований. Заимствованные англицизмы сливаются с исконными морфемами, образуя гибридные формы: *лайкнуть*, *запостить*, *репостнуть* [4]. Этот процесс не является механическим копированием, а свидетельствует о глубоком включении иностранной основы в русскую

словообразовательную парадигму, что, по мнению Е.И. Горошко, «отражает общую тенденцию жанров компьютерно-опосредованной коммуникации к экономии и адаптации» [5].

Анализ экспрессивных средств выявляет глубинные кросс-культурные различия в способах выражения эмоций. Англоязычный виртуальный дискурс тяготеет к открытой гиперболизации и интенсификации: *literally dying, the best thing ever, I CAN'T EVEN* [6].

Для передачи интонации и эмоционального напора активно используются намеренные орфографические отклонения *soooo good, nooooo*. Русскоязычная интернет-коммуникация, напротив, чаще опирается на ироническое снижение, самоиронию и просторечные формы: *ну такое, жиза, ой все* [7]. Также характерной чертой является высокая метафоричность, укорененная в традициях разговорной речи: *сроки горят, проект мертв, я просто взорвался* [4]. Эти различия отражают более общие культурные установки: ориентацию на открытое выражение эмоций в англоязычной культуре и склонность к скептическому или ироническому переосмыслению в русскоязычной.

Возраст является ключевым стратифицирующим фактором внутри каждого национального дискурса.

Миллениалы (поколение Y) склонны использовать корпоративный интернет-жаргон, часто являющийся калькой с английского: англ. *circle back, touch base*; рус. *вернуться к вопросу, отпишусь по результатам*.

Зумеры (поколение Z), как «цифровые аборигены», создают более агрессивный, креативный и меметичный сленг, быстро распространяющийся через платформы типа *TikTok*: *no cap, main character energy, кринж, вайб, оффтон* [8; 6]. Эти различия подчеркивают высокую степень социолингвистической вариативности цифровой коммуникации.

Важнейшим стилистическим компонентом, дифференцирующим дискурсы, является реализация прагматических стратегий вежливости. Англоязычная коммуникация, следуя принципам негативной вежливости, тяготеет к сложным косвенным конструкциям, дистанцирующим просьбу или мнение: *Would you mind...?, I was wondering if..., If it's not too much trouble...* [9; 3]. Это создает «иллюзию выбора» для адресата. В русскоязычном неформальном дискурсе доминирует стратегия позитивной вежливости и фамильярности, направленная на сокращение социальной дистанции. Просьбы часто оформляются как вопросы с элементом солидарности или смягчаются фамильярными маркерами: *Не отправишь?; Слушай, а поможешь? Если не сложно...* [5; 4].

Установлено, что виртуальный дискурс выработал сложную систему визуальных стилистических средств. Их использование носит культурно-обусловленный характер.

В англоязычном дискурсе эмодзи и GIF-изображения чаще выполняют функцию уточнения или усиления буквального смысла высказывания: 😂 обозначает смех, ❤️ – одобрение.

В русскоязычной среде закрепились традиции метафорического и контекстуально-зависимого использования визуальных элементов [5; 8]. Например, эмодзи 😏 может передавать иронию или смущение, а комбинация 😏❤️ часто используется для манипулятивного или гиперболизированного выражения обиды [6; 7].

Заключение. Проведенный сопоставительный анализ позволяет заключить, что русскоязычный и англоязычный виртуальные дискурсы, развиваясь в условиях общей технологической среды, демонстрируют системные и культурно-обусловленные различия. Англоязычный виртуальный дискурс эволюционирует в сторону глобальной стандартизации, грамматического минимализма и косвенной прагматики, оставаясь доминирующим средством международной профессиональной и повседневной коммуникации. Русскоязычный дискурс, в свою очередь, проявляет исключительную адаптивность и творческую гибкость, активно трансформируя заимствования через гибридизацию и наполняя коммуникацию экспрессией, иронией и фамильярной прямоотой, укорененными в национальной речевой традиции. Таким образом, цифровая среда не нивелирует, а, напротив, акцентирует и даже усиливает кросс-культурные различия, выступая мощным катализатором параллельных, но разнонаправленных процессов языковой эволюции.

1. Herring, S. C. Computer-mediated discourse / S. C. Herring // *The Handbook of Discourse Analysis*. – 2015. – Pp. 1–25.
2. Crystal, D. *Language and the Internet* / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 304 с.
3. Twitter/X [сайт]. – URL: <https://x.com/?lang=ru> (дата обращения: 18.01.2026).
4. Telegram [сайт]. – URL: <https://web.telegram.org/> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Горошко, Е. И. Лингвистика интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. – 2017. – Вып. 15. – С. 192–207.
6. TikTok [сайт]. – URL: <https://www.tiktok.com/explore> (дата обращения: 18.01.2026).
7. YouTube [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/> (дата обращения: 18.01.2026).
8. Зверева, Е. А. Особенности медиапотребления «поколения Y» и «поколения Z» // *Социально-гуманитарные знания* – 2018. – № 3. – С. 205–214. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-novyh-tehnologiy-v-obrazovanii> (дата обращения: 18.01.2026).
9. Brown, P. *Politeness: Some Universals in Language Usage* / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.